

УДК 82-3
ББК 84(2Рос-Рус)
Г 85

Разработка художественного оформления
серии *А. Бондаренко*

Оформление суперобложки *Н. Ярусовой*

В оформлении суперобложки использованы
фрагменты работ художников *Джорджа Элгара Хикса*,
Ивана Айвазовского и *Чарльза Кортни Карана*

Грин А. С.

Г 85 **Алые паруса. Романы. Рассказы / Александр Грин. —**
М. : Эксмо, 2014. — 832 с. — (Библиотека всемирной ли-
тературы).

ISBN 978-5-699-71242-7

Русский писатель Александр Грин силой своей фантазии создал прекрасные вымышленные миры, где живут красивые, сильные и благородные люди, где добро все-таки побеждает зло, где любовь ответственна и долговечна. Его роман «Алые паруса», ставший символом воплощенной мечты о счастье, дарит надежду на «обыкновенное чудо», которое все-таки случается в сплошной череде похожих друг на друга дней, составляющих тонкую нить нашей жизни. В книгу вошли также романы «Блистающий мир», «Бегущая по волнам», «Золотая цепь» и рассказы.

УДК 82-3
ББК 84(2Рос-Рус)

ISBN 978-5-699-71242-7

© Оформление. ООО «Издательство
«Эксмо», 2014

Содержание

Алые паруса ждут попутного ветра

Инна Руденко

7

АЛЫЕ ПАРУСА

Феерия

11

БЛИСТАЮЩИЙ МИР

Роман

85

БЕГУЩАЯ ПО ВОЛНАМ

Роман

255

ЗОЛОТАЯ ЦЕПЬ

Роман

457

РАССКАЗЫ

ИСТОРИЯ ОДНОГО УБИЙСТВА

599

ЖИЗНЬ ГНОРА

617

ЧЕЛОВЕК С ЧЕЛОВЕКОМ

656

ЗУРБАГАНСКИЙ СТРЕЛОК
663

ВОЗВРАЩЕННЫЙ АД
700

ОГНЕННАЯ ВОДА
731

ЧЕТЫРНАДЦАТЬ ФУТОВ
738

КОРАБЛИ В ЛИССЕ
743

ФАНДАНГО
765

ЗЕЛЕНАЯ ЛАМПА
826

АЛЫЕ ПАРУСА ЖДУТ ПОПУТНОГО ВЕТРА

Как-то в Старом Крыму, проходя мимо маленького домика, встретила я глазами с женщиной на его пороге. Поразил и запомнился навсегда цвет этих глаз — ясно-голубой, как крымское небо. То была жена Александра Грина, которой он посвятил свои «Алые паруса». А неподалеку, у его могильной плиты, могучее дерево пламенело от алых треугольников, оставленных многочисленными паломниками.

Давно это было. Нет уже Нины Николаевны, и вряд ли сохранилась та, стихийно возникшая традиция приносить Грину свои маленькие алые паруса. Алые паруса выцветают на ветру забвенья, перейдя в названия многочисленных и не очень свежих кафе, увядают под усмешками круглых реалистов; в наше-то жестокое время — и верить в романтические сказки? Сказки? Ну посмотрим.

У неведомого моря, в придуманной Грином деревушке Каперна, населенной людьми с такими же диковинными именами, живем... мы. Ну не все мы, конечно. Но разве не знакома вам «работа, как драка», с тем, чтобы только выжить? А песни, «грязные, как немывтые ноги, грубые, как урчание в животе, коротенькие четверостишия с ужасным мотивом»? А эти нравы, чувства? Когда ухаживают за девушками, «лапая по спине ладонью и толкаясь, как на базаре». Когда лавочники в оплату скудного долга «требуют за это любви», а любовь стала

лишь «делом и спортом»? Какие же это сказки — самая настоящая быль.

И там-то, в Каперне, выросла девушка с именем, «как свист стрелы или шум морской раковины», — Ассоль. И сумела «стать спиной» ко всей этой грубой жизни.

А может быть, вы живете не в бедной Каперне, а в огромном доме-замке, «мрачном внутри и величественном снаружи», где родился Грэй. Теперь ведь их много на нашей земле. Там живут «надменные невольники своего положения, богатства и законов того общества, по отношению к которому можно говорить «мы». Это сказано Грином о родителях Грэя, но разве мы с вами не встречаем этих «надменных» и сегодня?

И в этом замке, далеком от всякого моря, вырос юноша, «совершенно не склонный продолжать линию фамильного начертания», и ушел в море.

Быть может, в этом есть сказочность — как из грязи и бедности могла вырасти чистая душа Ассоль, а из изнеженности роскоши — мужественное благородство «дьявольского капитана» Грэя? Но разве мы не знаем, что людей формируют не только обстоятельства, но и сопротивление им? Ассоль научилась видеть «поверх видимого». О, это удивительное, но вовсе не волшебное качество — видеть не только то, что зримо. Оно преображает повседневность, как солнечный ливень сумрачную чашу. Не только руки Ассоль, занятые обычной домашней работой да изготовлением игрушек на продажу, — душа ее трудилась. И обычная повседневность «становилась кружевом тайн», и твердо верилось в предсказанные алые паруса. Радость жизни не от жизни — от отношения к ней.

Душа Грэя же с детства испытывала сострадание к людям, их боли. На восьмом году жизни он на картине, изображающей распятие, голубой краской залил окровавленные руки Христа. «Я не могу допустить, чтобы при мне торчали из рук гвозди и текла кровь». И это детское сочувствие к другому он сохранил на всю жизнь. Что, как вы понимаете, очень трудно, но все же возможно.

Наконец, Ассоль и Грэй встречаются. Волшебный

случай? Да, случай. Он мог и остаться просто случаем, как это часто с нами бывает. Но Грин заставляет Грэя идти в деревню и подробно расспрашивать об Ассоль. Сквозь насмешки никогда ее не понимавших он узнает о девушке главную правду. Умение Ассоль терпеливо ждать исполнения мечты — когда-то пристанет обязательно к берегу корабль под алыми парусами и унесет ее за морской горизонт.

А потом Грин нам зачем-то — чтоб снизить пафос? — подробно и очень реалистично описывает, как Грэй обходит лавку за лавкой, терпеливо разворачивает свертки тканей, отказываясь от «базарных цветов» в поисках «гордого цвета», как наконец находит его, сколько именно метров просит продать, как расплачивается — да и зачем эти, отнюдь не романтические подробности? А для того, чтоб сказать нам устами Грэя об одной очень важной, хотя и нехитрой истине: «Она в том, чтобы делать так называемые чудеса своими руками». Не просто чудеса, а «так называемые»... Странный какой-то сказочник, весь на твердой земной основе.

Какое сплетение необыкновенного и самого обычного, чудесного и реального, какие твердые, прочные мосты выстраиваются к небывалому! А Грина так часто ругали за отрыв от жизни, от современности... «Разве «Алые паруса» не современная вещь?» — негодовал он в ответ. Современно ведь не только то, что отражает время, но и то, чего этому времени не хватает. Завидую тем, кто будет держать эту книгу впервые¹.

Инна РУДЕНКО

¹ Впервые опубликовано в газете «Комсомольская правда». — 2002. — 23 ноября.

АЛЫЕ ПАРУСА
ФЕЕРИЯ

Нине Николаевне Грин
подносит и посвящает
Автор
ПБГ, 23 ноября 1922 г.

I ПРЕДСКАЗАНИЕ

Лонгрэн, матрос «Ориона», крепкого трехсоттонного брига, на котором он прослужил десять лет и к которому был привязан сильнее, чем иной сын к родной матери, должен был наконец покинуть эту службу.

Это произошло так. В одно из его редких возвращений домой, он не увидел, как всегда еще издали, на пороге дома свою жену Мери, всплескивающую руками, а затем бегущую навстречу до потери дыхания. Вместо нее, у детской кроватки — нового предмета в маленьком доме Лонгрэна — стояла взволнованная соседка.

— Три месяца я ходила за нею, старик,— сказала она,— посмотри на свою дочь.

Мертвея, Лонгрэн наклонился и увидел восьмимесячное существо, сосредоточенно взиравшее на его длинную бороду, затем сел, потупился и стал крутить ус. Ус был мокрый, как от дождя.

— Когда умерла Мери? — спросил он.

Женщина рассказала печальную историю, перебивая рассказ умильным гульканием девочке и уверениями, что Мери в раю. Когда Лонгрэн узнал подробности, рай показался ему немного светлее дровяного сарая, и он подумал, что огонь простой лампы — будь теперь они все вместе, втроем,— был бы для ушедшей в неведомую страну женщины незаменимой отрадой.

Месяца три назад хозяйственные дела молодой матери были совсем плохи. Из денег, оставленных Лонгреном, добрая половина ушла на лечение после трудных родов, на заботы о здоровье новорожденной; наконец, потеря небольшой, но необходимой для жизни суммы, заставила Мери попросить в долг денег у Меннерса. Меннерс держал трактир, лавку и считался состоятельным человеком.

Мери пошла к нему в шесть часов вечера. Около семи рассказчица встретила ее на дороге к Лиссу. Заплаканная и расстроенная Мери сказала, что идет в город заложить обручальное кольцо. Она прибавила, что Меннерс соглашался дать денег, но требовал за это любви. Мери ничего не добилась.

— У нас в доме нет даже крошки съестного, — сказала она соседке. — Я схожу в город, и мы с девочкой переберемся как-нибудь до возвращения мужа.

В этот вечер была холодная, ветреная погода; рассказчица напрасно уговаривала молодую женщину не ходить в Лисс к ночи. «Ты промокнешь, Мери, накрапывает дождь, а ветер, того и гляди, принесет ливень».

Взад и вперед от приморской деревни в город составляло не менее трех часов скорой ходьбы, но Мери не послушалась советов рассказчицы. «Довольно мне колоть вам глаза, — сказала она, — и так уж нет почти ни одной семьи, где я не взяла бы в долг хлеба, чаю или муки. Заложу колечко, и кончено». Она сходила, вернулась, а на другой день слегла в жару и бреду; непогода и вечерняя изморось сразила ее двухсторонним воспалением легких, как сказал городской врач, вызванный добросердной рассказчицей. Через неделю на двуспальной кровати Лонгрена осталось пустое место, а соседка переселилась в его дом нянчить и кормить девочку. Ей, одинокой вдове, это было не трудно. К тому же, — прибавила она, — без такого несмышлениша скучно.

Лонгрэн поехал в город, взял расчет, простился с товарищами и стал растить маленькую Ассоль. Пока девочка не научилась твердо ходить, вдова жила у матроса,

заменяя сиротке мать, но лишь только Ассоль перестала падать, заноса ножку через порог, Лонгрэн решительно объявил, что теперь он будет сам все делать для девочки, и, поблагодарив вдову за деятельное сочувствие, зажил одинокой жизнью вдовца, сосредоточив все помыслы, надежды, любовь и воспоминания на маленьком существе.

Десять лет скитальческой жизни оставили в его руках очень немного денег. Он стал работать. Скоро в городских магазинах появились его игрушки — искусно сделанные маленькие модели лодок, катеров, однопалубных и двухпалубных парусников, крейсеров, пароходов — словом, того, что он близко знал, что, в силу характера работы, отчасти заменило ему грохот портовой жизни и живописный труд плаваний. Этим способом Лонгрэн добывал столько, чтобы жить в рамках умеренной экономики. Малообщительный по натуре, он, после смерти жены, стал еще замкнутее и нелюдимее. По праздникам его иногда видели в трактире, но он никогда не присаживался, а торопливо выпивал за стойкой стакан водки и уходил, коротко бросая по сторонам: «да», «нет», «здравствуйте», «прощай», «помаленьку» — на все обращения и кивки соседей. Гостей он не выносил, тихо спроваживая их не силой, но такими намеками и вымышленными обстоятельствами, что посетителю не оставалось ничего иного, как выдумать причину, не позволяющую сидеть дольше.

Сам он тоже не посещал никого; таким образом меж ним и земляками легло холодное отчуждение, и будь работа Лонгрэна — игрушки — менее независима от дел деревни, ему пришлось бы ощутительнее испытать на себе последствия таких отношений. Товары и съестные припасы он закупал в городе — Меннерс не мог бы похвастаться даже коробкой спичек, купленной у него Лонгрэном. Он делал также сам всю домашнюю работу и терпеливо проходил несвойственное мужчине сложное искусство рращения девочки.

Ассоль было уже пять лет, и отец начинал все мягче и мягче улыбаться, поглядывая на ее нервное, доброе

личико, когда, сидя у него на коленях, она трудилась над тайной застегнутого жилета или забавно напевала матросские песни — дикие ревестишия. В передаче детским голосом и не везде с буквой «р» эти песенки производили впечатление танцующего медведя, украшенного голубой ленточкой. В это время произошло событие, тень которого, павшая на отца, укрыла и дочь.

Была весна, ранняя и суровая, как зима, но в другом роде. Недели на три припал к холодной земле резкий береговой норд.

Рыбачьи лодки, повытащенные на берег, образовали на белом песке длинный ряд темных килей, напоминающих хребты громадных рыб. Никто не отваживался заняться промыслом в такую погоду. На единственной улице деревушки редко можно было увидеть человека, покинувшего дом; холодный вихрь, несшийся с береговых холмов в пустоту горизонта, делал «открытый воздух» суровой пыткой. Все трубы Каперны дымились с утра до вечера, трепля дым по крутым крышам.

Но эти дни норда выманивали Лонгрена из его маленького теплого дома чаще, чем солнце, забрасывающее в ясную погоду море и Каперну покрывалами воздушно-го золота. Лонгрэн выходил на мостик, настланный по длинным рядам свай, где, на самом конце этого досчатого мола, подолгу курил раздуваемую ветром трубку, смотря, как обнаженное у берегов дно дымилось седой пеной, еле поспевающей за валами, грохочущий бег которых к черному, штормовому горизонту наполнял пространство стадами фантастических гривастых существ, несущихся в разнузданном свирепом отчаянии к далекому утешению. Стоны и шумы, завывающая пальба огромных взлетов воды и, казалось, видимая струя ветра, полосующего окрестность, — так силен был его ровный пробег — давали измученной душе Лонгрена ту притупленность, оглушенность, которая, низводя горе к смутной печали, равна действием глубокому сну.

В один из таких дней, двенадцатилетний сын Меннерса, Хин, заметив, что отцовская лодка бьется под мостками о сваи, ломая борта, пошел и сказал об этом отцу.

Шторм начался недавно; Меннерс забыл вывести лодку на песок. Он немедленно отправился к воде, где увидел на конце мола, спиной к нему стоявшего, куря, Лонгрена. На берегу, кроме их двух, никого более не было. Меннерс прошел по мосткам до середины, спустился в бешено-плещущую воду и отвязал шкот; стоя в лодке, он стал пробираться к берегу, хватаясь руками за сваи. Весла он не взял, и в тот момент, когда, пошатнувшись, упустил схватиться за очередную сваю, сильный удар ветра швырнул нос лодки от мостков в сторону океана. Теперь даже всей длиной тела Меннерс не мог бы достичь самой ближайшей сваи. Ветер и волны, раскачивая, несли лодку в гибельный простор. Сознав положение, Меннерс хотел броситься в воду, чтобы плыть к берегу, но решение его запоздало, так как лодка вертелась уже недалеко от конца мола, где значительная глубина воды и ярость валов обещали верную смерть. Меж Лонгреном и Меннерсом, увлекаемым в штормовую даль, было не больше десяти сажен еще спасительного расстояния, так как на мостках под рукой у Лонгрена висел сверток каната с вpletенным в один его конец грузом. Канат этот висел на случай причала в бурную погоду и бросался с мостков.

— Лонгрен! — закричал смертельно перепуганный Меннерс. — Что же ты стал, как пень? Видишь, меня уносит; брось причал!

Лонгрен молчал, спокойно смотря на метавшегося в лодке Меннерса, только его трубка задымила сильнее, и он, помедлив, вынул ее из рта, чтобы лучше видеть происходящее.

— Лонгрен! — взывал Меннерс, — ты ведь слышишь меня, я погибаю, спаси!

Но Лонгрен не сказал ему ни одного слова; казалось, он не слышал отчаянного вопля. Пока не отнесло лодку так далеко, что еле долетали слова-крики Меннерса, он не переступил даже с ноги на ногу. Меннерс рыдал от ужаса, заклинал матроса бежать к рыбакам, позвать помощь, обещал деньги, угрожал и сыпал проклятиями, но Лонгрен только подошел ближе к самому краю мола, чтобы не сразу потерять из вида метания и скачки лодки.

«Лонгрэн,— донеслось к нему глухо, как с крыши — сидящему внутри дома,— спаси!» Тогда, набрав воздуха и глубоко вздохнув, чтобы не потерялось в ветре ни одного слова, Лонгрэн крикнул:

— Она так же просила тебя! Думай об этом, пока еще жив, Меннерс, и не забудь!

Тогда крики умолкли, и Лонгрэн пошел домой. Ассоль, проснувшись, увидела, что отец сидит перед угасающей лампой в глубокой задумчивости. Услышав голос девочки, звавшей его, он подошел к ней, крепко поцеловал и прикрыл сбившимся одеялом.

— Спи, милая,— сказал он,— до утра еще далеко.

— Что ты делаешь?

— Черную игрушку я сделал, Ассоль,— спи!

На другой день только и разговоров было у жителей Каперны, что о пропавшем Меннерсе, а на шестой день привезли его самого, умирающего и злобного. Его рассказ быстро облетел окрестные деревушки. До вечера носило Меннерса; разбитый сотрясениями о борта и дно лодки, за время страшной борьбы с свирепостью волн, грозивших, не уставая, выбросить в море обезумевшего лавочника, он был подобран пароходом «Лукреция», шедшим в Кассет. Простуда и потрясение ужаса прикончили дни Меннерса. Он прожил немного менее сорока восьми часов, призывая на Лонгрэна все бедствия, возможные на земле и в воображении. Рассказ Меннерса, как матрос следил за его гибелью, отказав в помощи, красноречивый тем более, что умирающий дышал с трудом и стонал, поразил жителей Каперны. Не говоря уже о том, что редкий из них способен был помнить оскорбление и более тяжкое, чем перенесенное Лонгрэном, и горевать так сильно, как горевал он до конца жизни о Мери,— им было отвратительно, непонятно, поражало их, что Лонгрэн молчал. Молча, до своих последних слов, посланных вдогонку Меннерсу, Лонгрэн стоял; стоял неподвижно, строго и тихо, как судья, выказав глубокое презрение к Меннерсу — большее, чем ненависть, было в его молчании, и это все чувствовали. Если бы он